

ЛИЧНОСТЬ

Миша с родителями.

Притягательна роль пророка

Знаю Веллера лет десять. Он окреп и развернулся, так и сыплет откровениями пророка: "Землетрясение происходит не от того, что мяукает кошка. Она просто улавливает возникающее колебание. Писатель — кошка, озвучивающая еще неслышимый другим рокот грядущих перемен. А что скоро грянет черт-те что и мало никому не будет, в этом не сомневайтесь". Почему-то я, читатель, спокойно перенесла энергетический выброс автора — его апокалиптическое предчувствие расплавляющей жары, которая превращает Москву в белый саркофаг, или наступление смертоносных морозов, или все сметающий потоп. Автор сулит Москве и, вероятно, всей России судьбу Атлантиды.

Автор избрал гиперболу в роли козырного туза. Таковы законы жанра романа катастроф, его гиперболы способны вызвать шок, ужас.

— Что скрывает буква "Б" в названии романа? Циники могут предположить известное ругательство.

— Не надо искать везде жареную клубничку! Откройте любую карту: Б. — означает "большая". А еще Б. как сокращение обозначает "бывшая", а еще это — ну прямая же цитата из Библии: "Блудница Вавилонская". Она же "Блудница на семи холмах". Это говорили христиане о погрязшем в несправедливости и разврате Риме, обреченном на гибель.

— До меня доходило, что писатель Михаил Веллер настаивает на собственной законченной концепции мира.

— Ваш покорный слуга — единственный человек в русской традиции и в русской культуре, создавший свою законченную философскую систему. И мне уже надоело умирать от скромности, дожидаясь, пока идиоты меня похоронят и потом скажут: "Так и есть!" Никогда в России философов не было. Были люди, изрекавшие философские мысли. Была философская эстетика. Но в России никогда не было философа, который создал бы собственную, всеобъемлющую, непротиворечивую философскую концепцию мира.

— На ваш взгляд, кто на Западе создал собственную концепцию мира — Гегель, Шопенгауэр?

— Да! Философские системы были или на Западе, или на Востоке: Индия, Китай или Германия, Франция в новые времена. А в России их не было.

— Нигилисты тоже были всегда. Шопенгауэр разносил в щепки Гегеля.

— Он не просто отрицал Гегеля — он смеялся над ним.

— Гегель не стал от этого хуже. Но знают все-таки Гегеля больше, чем Шопенгауэра.

— Шопенгауэр не переносил сложности Гегеля, его витиеватости и запутанности. Шопенгауэр по сравнению с прочими гениально прост. И много десятилетий он терпел поношения и непризнания, в то время как Гегель купался в славе. Но и Шопенгауэр под конец жизни хлебнул своей славы и оказал колоссальное влияние на мировую мысль, в том числе и на Толстого.

— А что же русские философы, которых Ленин в 22-м году выдворил из России — Иван Ильин, Федор Степун, — ничего философского не создали?

— Уточним понятия. Это, безусловно, были образованные люди, оригинально мыслящие. Иногда они формулировали ин-

Веллер, участник Парижского книжного салона, назвал свою новую книгу вызывающе: "Б. Вавилонская". Его герой обрушивает на сознание простосердечного читателя залп откровений. Одно из них особенно задело: "Ни один поступок, ни одна мысль сами по себе не могут быть греховны". Ну, прямо Раскольников до убийства старушки! Захотелось поспорить с автором, поговорить за жизнь.

ОН ПРЕДСКАЗЫВАЕТ КАТАСТРОФУ

Михаил ВЕЛЛЕР: "Мы стоим на плечах гигантов, но не все при этом карлики"

тересные, глубокие, интеллектуально богатые вещи.

— И вот за концепцию взялся Михаил Веллер? Назовите ваши философски завершённые произведения.

— Это изложено в книгах "Все о жизни" и "Кассандра". Философия может считаться таковой, если она увязывает в неразрывное целое психологию человека и законы макрокосмоса.

— Ваш герой Кирилл, претендуя на единственность открытых им истин, выражает свои философские обобщения языком нервного эгоцентрика: "Никто не говорил, что человек выделился из прочих живых, когда овладел огнем". Да в начальных классах рассказывают о том же такими же сло-

вами! Я предпочитаю суждения Ивана Ильина: "Человек есть по существу своему живой, личный дух... Дух можно было бы описать как способность к бескорыстной любви и к самоотверженному служению". Он определяет дух как жилище совести. Михаил, у вас есть специальное образование, чтобы с правом судить о макрокосмосе?

— Прав был герой Воннегута, который сказал: "Все мы в этой жизни самоучки". Я окончил филологический факультет. Что касается моей системы, то ее, однако, гораздо лучше понимают физики, чем гуманитарии. Моя философия и публицистика изложены нормальным, человеческим языком.

Семья в Таллине

— Возможно, читателям ваши философские высказывания до фонаря. Мне интересно другое: философ вашего уровня имеет какой-то особенный взгляд на семейные отношения?

— Нет, я абсолютный традиционалист. Считаю, нормальный человек должен жениться один раз и не заниматься ерундой. Попытка разломать и переиначить быт, веками проверенный, может быть оправдана только в период разлома и гибели цивилизации. Моя жена Анна — для меня все.

— Хранительница вашего таллинского очага — прибалтка?

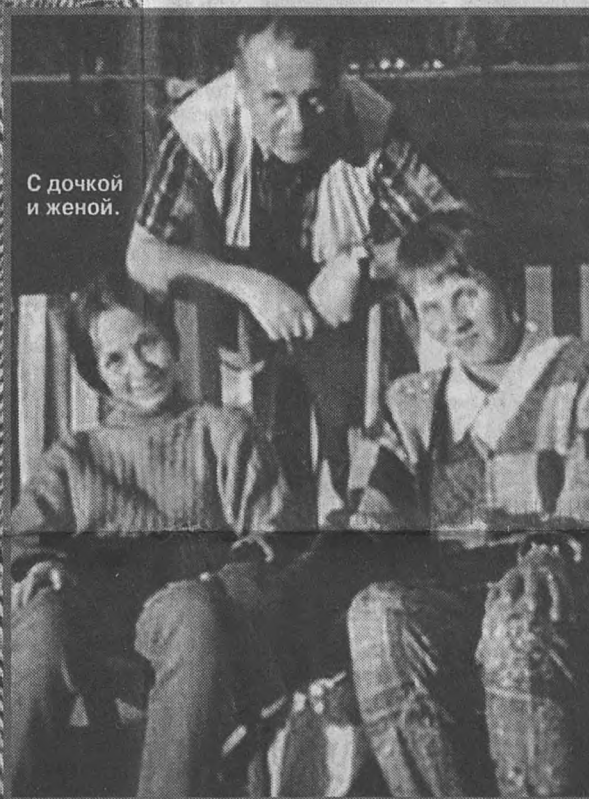
— Анна — продукт советского интернационализма: немножко эстонка, чуть-чуть гречанка и немножко русская. У меня дочь Валентина. Ей 17. По-моему, она от нас унаследовала все и собирается прихватить кое-что еще.

— Как философ относится к быту?

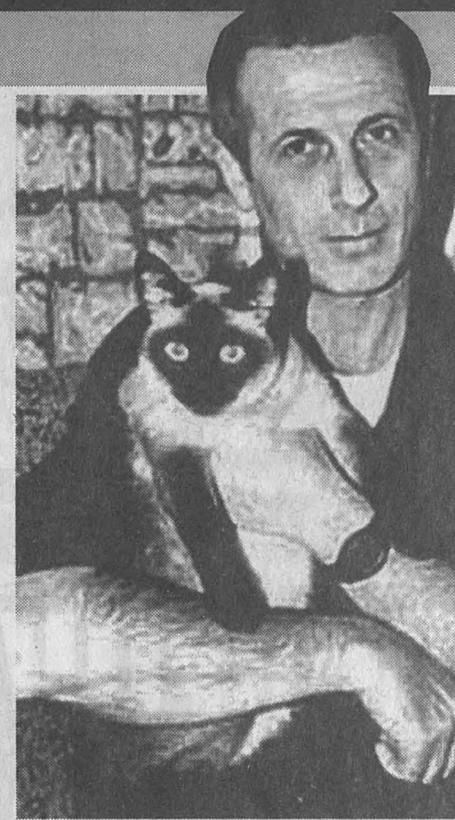
— Что касается быта писателя, то ему ближе тот эпизод известного футболиста Диего Марадоны, когда он, встретив журналистов, из окна второго этажа стал стрелять им под ноги, чтобы они оставили в покое его частную жизнь.

— Обозреватель "МК" вовсе не папарацци, а ваша популярность еще не сравнялась с Марадоной. Любопытно, как, приехав из Таллины, вы устроились в Москве, не имея квартиры?

— Приезжал к друзьям на три дня и зависал на месяц, пока гонорары не позволили купить свое жилье. Половину времени я все-таки живу в Таллине. Пишу. Здесь я делаю все остальное. В Таллине, в своей семье, работаю, читаю книжки и смотрю телевизор. Хожу иногда на взморье. Если честно признаться, Таллин

С дочкой и женой.

мне давно надоело. Рад бы с ним расстаться, но там спокойно работаете.

— Вам, Веллер, не хватает только пострадать, чтоб вызвать поклонение.

— Я всегда не любил пострадавших и сострадавших. Мне всегда были ближе те, кто в любом положении улыбался и говорил: "Фигня, все нормально". Философ на самом деле не должен учить людей, как надо жить. Для этого есть моралисты, наставники. Философ всего лишь объясняет, как устроен мир. А люди могут понимать или не понимать. Это их дело.

— Вас пытались приручить в Москве богатые дамы? Живет, дескать, вне семьи, популярен, хорош собой... Притягательный объект для супружества!

— Вы мне льстите. Я старый стоптанный козел. Никто не пытался меня приручить.

— А если бы попытались, приключение увлекло бы вас?

— И-и-к-о-г-д-а! Орлы в неволе не размножаются.

О вкусах не спорят

— Из напитков вы выбираете чай. Неужели плодотворный и успешный писатель Веллер не находит в вине или в шампанском вдохновляющий смысл?

— Я нахожу в этом вкус, иногда замечательный вкус. Но вдохновение все-таки — в природе, в разговоре, в собственном состоянии. Все это действует лучше спиртных напитков. Хорошая русская водка не для того пьется, чтобы думать, а для того, чтобы обрести веселье и дружеское расположение в хорошей компании.

— В ком из современных писателей вы видите талантливого продолжателя русской классической традиции?

— Отношения между писателями притягательны тем, что стирается разница между розарием и серпентарием. Лучше всего не выступать судьей своим коллегам. Не суди, да не судим будешь. Здесь я делаюсь маоистом — пусть цветут десять тысяч цветов.

— Три года назад вы возглавляли жюри премии "Дебют". Как там с талантами?

— Вы знаете, было удивительно много талантливых ребят. 10—15 человек писали замечательно неплохо. Из многих могут получиться действительно хорошие писатели.

— Когда видите красивую женщину, что с вами происходит?

— Досаду, что в 30 лет выглядел лучше. Радует, что жизнь продолжается.

— У вашей жены хорошие ноги?

— По-моему, да. Две. Устойчивые. Отлично двигаются.

— При первой встрече вы обратили на это внимание?

— Нет. Она была в брюках.

— Вы попадали в экстравагантные ситуации?

— Регулярно. В Нью-Йорке. Я давал интервью журналисту "Интересной газеты". Был такой эмигрантский горчичник на Брайтоне. Приехал туда вечером для встречи с главным редактором — он меня вызволил. Увидев, что он собирает меня поить каким-то вонючим растворимым кофе, я зашел в соседнюю дверь, купил две бутылки вина: "Посидим по-человечески". После первой бутылки рассказывать стал он. Оказалось, мы земляки — я кончал школу в Белоруссии, а он минчанин. С особым шиком он сообщил, что кончил Литературный институт, работал в республиканской газете "Знамя юности". И, глядя ему в глаза, я сказал: "Это ты, сука, сто лет назад чуть не зарубил юный талант, когда я, 17-летний, на дрожащих ногах принес тебе свои первые стихи в "Знамя юности"?". Он слегка испугался, но через минуту мы с ним весело посмеялись. Должно было пройти сорок лет после того, как он объяснял мне, что литература — дело трудное и мне надо поискать что-то попроще. Прошли годы — и он просит у меня интервью и пьет за мой счет.

Куда ведут либералы?

— Вы написали мрачный роман-катастрофу "Б. Вавилонская". Это же почти сатанизм, и юмор там черный. Вас так настроила сегодняшняя Москва или сегодняшняя власть?

— Москву я люблю, и любовь заставляет предостеречь от грядущей катастрофы. Сейчас тревожные ожидания разлиты в воздухе. Россия проходит опасную, шаткую стадию. Вся наша цивилизация на краю гибели. Долг писателя — указать на пропасть, помешать свалиться в нее. Москва загазована. В Москве мало детей и много воров. Много денег и мало справедливости. Еще не поздно опомниться, найти в себе волю и принять меры.

— Одна из частей книги — своего рода новое Евангелие. Вы тоже пришли к христианству?

— Думаю, что с точки зрения Церкви я закоренелый еретик. Полагаю, что Бог един и вездесущ и пребывает везде в мире и в душе каждого. И для общения с ним не нужны никакие посредники и никакие обряды. Любовь — в твоём сердце, добро — в твоих руках, и никто за тебя не выполнит твоё предназначение в мире. За утверждение этой вечной истины и принимает крестную муку мой герой в сегодняшней Москве.

— Писатель в России всегда оставался человеколюбцем. Вы по взглядам государственный или ваша душа верна гуманистическим идеалам?

— Русские либералы допустили основополагающую ошибку — они сопригнали в неразрывное целое свободу слова, совести, печати, частной собственности со свободой грабить, убивать, обирать людей, не платить зарплату, раскрадывать казну, присваивать созданные народом ценности и т.д. То есть они утверждают: демократические свободы и бандитские свободы могут существовать только в одном флаконе. А вот такой салат народу не нужен!

Истина всегда проста. Место вора — в тюрьме, место убийцы — на виселице. Закон, идущий на пользу вору и во вред труженикам, — преступный закон, его надо менять. Иначе в истории происходят социалистические революции и фашистские путчи.

Если либерал защищает олигарха в противовес нищему наемному работнику, он, скорее, наймит крупного капитала. Русский писатель не может рыдать по миллиардеру, когда голодают старики, трудом которых создано все, чем завладел этот миллиардер.

Но сегодня, когда государственники победили, когда власть консолидировалась, долг писателя оставаться в душе либералом и не забывать о горе и счастье отдельного человека, которого всегда давила российская государственная машина.

Голос Михаила Веллера обретает страсть, когда он говорит о том, что чрезмерные либералы мостят дорогу фашизму. Опасность эта не придумана писателем — она реальна и чрезвычайно опасна. Кто услышит предостережение пророка?

Наталья ДАРДЫКИНА.